

МЕСТО И РОЛЬ СЛАВЯНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В СОСЛОВНОМ СТРОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ¹

В истории средневековой Европы есть немало удивительных исторических явлений, к которым, безусловно, относится и феномен славянского казачества. Зарождение, становление и развитие последнего, по-прежнему, вызывает интерес у исследователей. Наименее изученной, на наш взгляд, научной проблемой в этом направлении остается эволюция казацкого сословия как носителя передовых экономических, политических и нравственных идей.

Общеизвестно, что казачество, как мировое явление, уходит корнями в раннее средневековье и локализуется в среднеазиатском регионе. Как подчеркивал историк Д.И. Яворницкий «кай-сак» в переводе с туркменского «легковьючный», то есть мобильный кочевик-воин-кавалерист [3, с. 7]. В XI в. казаки известны половцам как «передовые, ночные и дневные стражи», однако, их сословное положение в Половецкой орде не установлено, а сам термин «казак» с XII в. исчезает из письменных источников на долгие три столетия. С конца XV в. Европа вновь заговорила о казаках, а точнее, о «кайсацких ордах», что были частью тогдашнего татарского войска. Эти ордынские казаки составляли особое третье сословие в Крымском ханстве и находились ниже угланов и князей [3, с. 8].

Возникновению славянского казачества способствовали разноплановые обстоятельства, а именно: наличие Дикого Поля — огромных, неосвоенных и никому не подконтрольных территориальных массивов, богатых природными дарами — дичью, рыбой и растительной пищей; наличие активных, трудолюбивых и смелых людей, не отягощенных иными сословными обязательствами перед обществом и готовых отправиться на «сезонные работы» в неведомые дали и края; легальный характер промысла: следует заметить, что походы за дарами природы, которые осуществляли «уходники» из приграничных с Диким Полем населенных пунктов не являлись авантюрными вакансиями, ведь возможность возвращения домой не только сохранялась, но и предусматривалась — на родине уходников ожидали не только семьи, но и налоговые службы, которые взимали с охотников, рыболовов, бортников и т.д. от 10% до 50% их сезонного дохода.

Однако, в дальнейшем среди промысловиков-уходников появились «невозвращенцы», начавшие обживать эту территорию: они строили засеки, занялись земледелием, скотоводством, ремеслами. Находясь на «ничейной» земле, они неизбежно вооружались и объединялись в промысловые ватаги. Собственно, из последних постепенно оформились славянские казацкие

¹ Публикуется в авторской редакции.

отряды, зажившие своей, полной опасностей, жизнью. На этом этапе, очевидно, зарождается «разбойничий» компонент нашей казацкой истории. Набеги бывших мирных промысловиков-уходников на посольские и купеческие караваны всерьез озадачивают Европу: на азовских казаков пеняют московские цари (например, жалоба Ивана III турецкому султану от 1501 г.), на черкасских и каневских — крымские ханы (красноречивая петиция 1527 г. Саип-Герее польскому королю Сигизмунду I). Поэтому, неудивительно, что тогдашние европейские правители решили прибегнуть к услугам новой, ранее неизвестной, вооруженной силы. Идея использовать казачество как пограничную стражу стала перманентно посещать головы литовских гетманов, польских королей, российских царей. Европейские лидеры начали нанимать казаков для реализации своих военных проектов и планов.

Вместе с тем, казачество, как новорожденное средневековое явление Европы, сразу же обрело признаки субъектности — отличительные, и что занимательно, весьма прогрессивные на тот период. В отличие от татарских казаков, которые занимались исключительно набегами и грабежами и были низшим общественным сословием, славянское казачество получило довольно высокие статусные и общественные позиции: в 1572 г. в результате основания Сигизмундом II Августом первого реестра казаков произошло официальное признание этого сословия в социальной стратификации Речи Посполитой; кроме того, славянское казачество было единственной вооруженной силой для этнозащиты православного населения — воюя «за веру и нацию русскую» в условиях насильственного ополячивания, окатоличивания, янычаризации казаки, по утверждению историка Л. Децинского, успешно провели религиозные войны и окончательно разрушили средневековый принцип «Чья власть, того и религия» [2, с. 121].

Чрезвычайно выразительными были антифеодальные идеи славянского казачества, ведь именно неприятие чуждых для русичей европейских феодальных принципов, а именно, отстранение от земли крестьян, обеспечило самую массовую волну оказачивания в конце XVI в. Выступая против феодализма, казаки стали идеологами прогрессивного буржуазного строя. Отрицая фольварковый тип хозяйствования, основанный на труде крепостных крестьян, казаки предложили закостенелой феодальной Европе принципиально новый вид организации крестьянского труда — многоотраслевое хозяйство зимовник, в основе которого лежал свободный наемный труд. Расположенные на Землях Войска Запорожского зимовники избавили от феодального гнета тысячи крестьян. Знаменитая на весь мир Петриковка, что в XVIII в. была зимовником последнего кошевого атамана Запорожской Сечи Петра Калнышевского, гордится не только уникальной росписью, но и тем, что никогда не знала крепостничества.

Отстаивая свои антифеодальные позиции, казаки возглавили целую серию крестьянских антикрепостнических восстаний конца XVI в. (восстания под предводительством Криштофа Косинского 1591-1593 гг., Северина Наливайка, Григория Лободы, Матвея Шаулы 1594-1596 гг.), 20-30

гг. XVII в. (восстания Марка Жмайла 1625 г., Тараса Трясила 1630 г., Ивана Сулимы 1635 г., Павла Павлюка 1637 г., Дмитрия Гуни и Якова Острияницы 1637-1638 гг.). Однако, следует заметить, что для казаков в этих классовых столкновениях главным все же был вопрос сохранения и приумножения их сословных привилегий, а в некоторых случаях, и удовлетворение собственных политических амбиций (так, Северин Наливайко добивался от польского короля Сигизмунда III признания своего лидерства, построения вблизи Брацлава нового казацкого города-центра, обещая при этом усмирить всех непокорных и переподчинить себе всю Запорожскую Сечь [3, с. 104]).

Кульминационным моментом в реализации казацких антифеодальных устремлений стала отмена фольварково-панщинной системы Богданом Хмельницким в 1652 г. [1, с. 142]. Это был поистине революционный шаг, свидетельствующий о становлении буржуазного (!) казацкого государства в отсталой феодальной Европе. Печально, что послебогдановые правители-гетманята не осознали этого первенства и ретировались на позиции затхлого феодализма: уже через 5 лет Иван Выговский отменил «Богданов универсал» [1, с. 144], а в 1701 г. Иван Мазепа ввел двухдневную панщину для крестьян Нежинского полка [1, с. 155]. В результате, буржуазные принципы хозяйствования сохранялись лишь на куренно-паланковых землях Запорожской Сечи, которая на протяжении всей своей истории имела статус автономии. Что же касается полково-сотенной Гетманщины, то там с начала XVIII в. утверждался банальный феодализм, зажиточное казачество перерождалось в обычных хозяев-крепостников, а гетманы разбогатели до неприличных размеров: Иван Мазепа стал самым богатым человеком Европы (владел 20 тысячами сел с крепостными), Иван Скоропадский и Данило Апостол имели по 9 тысяч сел.

Запорожскому казачеству были присущи и новаторские для тогдашней Европы принципы управления — демократические. Всеобщие казацкие рады ежегодно заслушивали отчеты своих выборных гетманов (атаманов), смещали последних, если те не справлялись со своими обязанностями. Однако, следует отметить, что полково-сотенная казацкая держава Богдана Хмельницкого и следующая за ней автономная в составе России Гетманщина от демократии куренно-паланковой Земли Войска Запорожского (Запорожской Сечи) решительно отошла: дальновидный «батько Хмель» справедливо опасался небезопасных для украинской государственности охлократических отклонений и был сторонником династической монархии, с ним солидаризировался и последний в XVIII в. гетман Кирилл Разумовский; значительная часть других наследников булавы (например, Иван Выговский, Иван Мазепа, гетман в изгнании Филипп Орлик) были сторонниками олигархической республики, образцом для которой считали аристократическое (шляхетское) управление в Речи Посполитой.

Таким образом, славянское казачество, как историческое явление, было многоликим. Рожденное в Диком Поле запорожское сечевое войско было полиэтничным по составу, исповедовавшим передовые на то время буржуазные и демократические ценности, представлявшим воинствующих

защитников православной веры (ярким примером преданности православию является героическая смерть основателя Запорожской Сечи Дмитрия (Байды) Вишневецкого, который несколько суток висел подвешенным на крюк за ребро, но согласия перейти в магометанство своим истязателям так и не дал). Казачество же, которое Д.И. Яворницкий называет городовым украинским, в отличие от запорожского, было, во-первых, моноэтничным по составу, а во-вторых, вписаным в сословный строй средневековой Европы. Поскольку последняя была феодальной, то и сотрудничавшее с ней реестровое казачество стремилось к феодализации своей страны, тем более, что это обеспечивало довольно высокое положение в обществе. Де-юре, сословие реестровых украинских казаков оказалось среди привилегированной земельной аристократии, которая в Польше контролировала даже короля! Желая сохранить свой высокий социальный статус реестровцы осуществляли духовный «дрейф» в сторону католицизма — иезуитские коллегиумы, например, закончили Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа.

В целом, в эволюции славянского казачества уже в XVI в. происходит раскол: носителем передовых политических (демократия), экономических (буржуазный тип хозяйствования) и нравственных (свобода совести) идей становится запорожское казачество (имевшее свое устройство — куренно-паланковое, самостоятельно избиравшее своих атаманов); представителем феодальной земельной аристократии с соответствующим типом управления и склонностью к духовному конформизму становится зажиточное казачество Речи Посполитой (реестровое) и Гетманщины (имевшее полково-сотенное административно-территориальное устройство и избиравшее гетманов по рекомендации (Кирилл Разумовский), либо получавшее их по прямому назначению царя (Иван Скоропадский).

Список литературы:

1. Бойко О.Д. Історія України/ Олександр Дмитрович Бойко. - Київ: Видавничий центр «Академія», 1999. - 568 с.
2. Українська та зарубіжна культура/ [Л.Є. Дещинський, Я.Я. Денісов, М.П. Скалецький та ін.]; під ред. Л.Є. Дещинського. - Львів: Видавництво «Бескид Біт», 2005. - 304 с.
3. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків у 3-х т./ Дмитро Іванович Яворницький. - Київ: Наукова думка, 1990-1993. - Т. 2. - 1990. - 560 с.